

УДК 81.11
ББК 81.006

О.А. Крапивкина

**КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
П. БУРДЬЁ
КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ОСНОВА АНАЛИЗА
ДИСКУРСИВНЫХ
ПРАКТИК
В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЛЕ**

Целью настоящей статьи является попытка расширить теоретическую базу лингвосомиотического анализа дискурсивных практик путем привлечения концепции социального пространства П. Бурдьё. Отмеченная исследователем предрасположенность индивидов вести себя в соответствии с определенной матрицей социального действия является неотъемлемой чертой юридических дискурсивных практик. Юридическое поле как динамическое взаимодействие экспертов, чьи действия продиктованы их статусным положением, и обывателей, опирающихся на свой феноменологический опыт, позволяет экспертам контролировать дискурсивное поведение последних.

Ключевые слова: *поле, юридическое поле, юридический дискурс, эксперт, экспертное знание, агенты юридического поля.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-4-108-115

Крапивкина Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков факультета прикладной лингвистики Иркутского национального исследовательского технического университета
Тел.: +7-904-131-75-65
E-mail: koa1504@mail.ru

© Крапивкина О.А., 2017 г.

В настоящее время социальный конструктивизм укрепил свое положение в науке и является одной из наиболее востребованных парадигм гуманитарного знания. К его эпистемологическим возможностям проявляют интерес все больше и больше исследователей из разных научных сфер.

В данной работе с целью анализа юридических дискурсивных практик мы обращаемся к концепции П. Бурдьё, который с ее помощью показал, что существует социальный генезис схем восприятия, мышления и действия (габитуса) и социальных структур и полей [Бурдьё, 2005].

В основе конструктивизма лежит посылка, что индивиды имеют предрасположенность вести себя определенным образом, исходя из приобретенного опыта, который выступает некоей матрицей социального действия. Данное положение может быть использовано для описания процесса социального взаимодействия участников юридических дискурсивных практик, поведение которых детерминировано нормами и правилами юридического поля.

Как отмечает П. Бурдьё, каждый субъект действует в одном или нескольких пространственных полях. На него влияют объективные отношения сил, свойственных этому полю [Там же]. Поле представляет собой такую сферу социальной жизни, которая постепенно принимает социальные отношения, средства и цели, характерные только для него и потому отличающиеся от других полей. На нормальное функционирование поля оказывают влияние отно-

шение власти, которое определяет структуру поля, и внутренняя логика развития права.

Юридические практики и дискурс являются продуктами функционирования поля, логика которого двояко детерминирована: с одной стороны, особой расстановкой сил, определяющей его структуру и задающей направление конкурентной борьбе или, точнее говоря, конфликту компетенций, которые в нем имеют место; и, с другой стороны, внутренней логикой юридических текстов, очерчивающих в каждый отдельный момент времени пространство возможного и тем самым – универсум собственно правовых решений.

Поле как арена борьбы включает и борьбу за монополию на толкование закона, которую ведут между собой агенты, обладающие профессиональной компетентностью. Суть борьбы состоит в общественно признанной способности интерпретировать корпус текстов, санкционирующих легитимное видение мира [Там же]. П. Бурдьё подчеркивает, что юридический текст, подобно религиозному, философскому или литературному, оказывается ставкой в борьбе по причине того, что толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти. Интерпретация закона актуализирует его, адаптируя к новым обстоятельствам. Все агенты юридического поля обладают властью эксплуатировать полисемичность, многозначность юридических формул, стремятся максимально выгодно использовать эластичность закона, а также существующие в нем противоречия, двусмысленности или лакуны.

К примеру, содержание вердикта присяжных заседателей или решения суда является результатом символической борьбы экспертов (адвоката и прокурора), мобилизующих юридические ресурсы с целью выиграть дело. В прототипическом судебном процессе конфликт противоборствующих сторон трансформируется в диалог экспертов, целью которых является достижение консенсуса в упорядоченном продвижении к истине. Вердикт присяжных или судебное решение являются неким компромиссом между непримиримыми требованиями противоборствующих сторон. Происходит трансформация конфликта сторон в юридически регламентированные прения агентов юридического поля, разделяющих знание и признание правил юридической игры, законы юридического поля.

Социальный разрыв между агентами юридического поля (экспертами) и их клиентами (обывателями) обосновывается процессом борьбы за монополию, которая выражается в увеличении дистанции между формально определенными правовыми нормами и наивными интуитивными представлениями об явлениях правовой действительности, справедливости. Так, эксперты осмысливают несправедливость сквозь призму прав, занимаются выявлением этих прав и фактов их нарушения. Отстаивание справедливости / несправедливости, основанное исключительно на субъективном чувстве, присуще обывателям, но не экспертам, которые манипулируют юридическими нуждами. Часто, как

отмечает П. Бурдьё, для расширения или преувеличения конфликтов они изменяют допустимые дефиниции, слова или этикетки, присваиваемые лицам или вещам, прибегая к категориям юридического языка, с тем, чтобы ввести данное лицо, действие, отношение в более широкий класс явлений, создать нужду в своих услугах, преобразуя проблемы, выраженные на обычном языке, в юридические проблемы посредством их перевода на язык права и заранее предлагая оценку шансов на успех, как и последствий выбора той или иной стратегии [Бурдьё, 2005]. Семiotическая система знаков агентов юридического поля не доступна широкому кругу наивных носителей языка. Такая система позволяет дифференцировать общество «Все» и общество «Мы» [Тюрнева, 2012, с. 118]. Приведем в качестве примера фрагмент выступления прокурора в процессе судебного заседания при зачитывании обвинительного заключения:

Прокурор: *Смерть наступила от проникающего колото-резаного ранения грудной клетки. На основании прямых и косвенных доказательств обвинение предъявлено Живакиной Евгении. Воспользовавшись фактом, что Аморев находился в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести, нанесла ему, предположительно, ножом не менее 18 ранений. Психолого-психиатрической экспертизой подсудимая признана вменяемой и отдающей отчет в инкриминируемых ей преступлениях* (Ручная запись судебного процесса).

Обвинительная речь прокурора насыщена уголовно-правовой и криминалистической терминологией – *проникающее колото-резаное ранение, прямые и косвенные доказательства, состояние алкогольного опьянения средней тяжести, вменяемая, инкриминируемые преступления*. Для правильной интерпретации данных терминов субъекты должны владеть профессиональными знаниями, которые уплотняют содержание понятий признаками, имеющими профессиональное значение, релевантными для юридического поля.

По мнению П. Бурдьё, формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала, агентами юридического поля и обывателями. Последние могут выступать лишь клиентами экспертов, обладающих необходимой компетентностью, которая позволяет установить монополию экспертов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги. Исследователь отмечает, что юридические инстанции «стремятся вырабатывать целые специфические традиции и, в частности, категории восприятия и оценки, никак не сводимые к категориям неспециалистов, порождая свои проблемы и свои решения согласно логике, полностью герметичной и недоступной для профанов» [Бурдьё, 2005, с. 99]. Рассмотрим примеры:

Прокурор: *Согласно заключению судебно-дактилоскопической экспертизы, в квартире убитого обнаружены генетические следы и отпечатки пальцев рук только самого убитого и подсудимой.*

Адвокат: *Ваша честь, я протестую. Данные доказательства являются недопустимыми* (Ручная запись судебного процесса).

Данный фрагмент диалога адвоката и прокурора в ходе судебного заседания демонстрирует коммуникацию агентов юридического поля, знакомых с нормами, регулирующими порядок осуществления судебного следствия. В частности, адвокат утверждает о недопустимости доказательств, изложенных стороной обвинения. При этом дескрипция *недопустимыми* в контексте его высказывания имеет свойство термина – единую интерпретацию с ограниченным объемом. В юридическом поле недопустимыми считаются доказательства, полученные с нарушением требований, установленных процессуальным законом. Все участники коммуникации (прокурор, адвокат, судья) имеют схожий опыт, приобретенный в ходе обучения праву и профессиональной деятельности, поэтому у них не возникает трудностей интерпретации высказывания.

Социальное взаимодействие агентов юридического поля строится на основе *юридического габитуса* – системы приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания. Габитус определяется как «ментальные, или когнитивные структуры», с помощью которых люди действуют в социальном мире [Ритцер, 2002, с. 459]. Это совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения, свойства, результирующие приобретение разнообразных знаний и жизненного опыта. Диспозиции – это предрасположенность чувствовать, воспринимать и рассуждать определенным способом. Они интериоризированы из внешнего бессознательно и приняты индивидом благодаря объективным условиям его социальной траектории. Как верно отметил В.А. Ядов, «в концепции П. Бурдьё диспозиции – продукт культуры, причем особой субкультуры некоторой общности. Это сугубо социологический подход, позволивший автору по-своему подойти к описанию социального расслоения в обществе, а именно – в виде своеобразной карты наподобие топографической, где социальное пространство заполнено многообразными топосами – скоплениями групп, обладающих схожим габитусом» [Ядов, 2013, с. 357]. Рассмотрим пример:

*There is a big case from 1976, State vs. Hill, where the court was bitterly divided five to four, with the **dissenters** opting for a more liberal definition of **insanity*** (Grisham J. A Time to Kill).

Адвокат как агент юридического поля описывает ситуацию с помощью терминов, которые понятны только его коллегам. Так, не всякий обыватель знаком с регламентом принятия решений коллегиальным судебным органом, предусматривающим возможность выражения особого мнения судьей, не согласным с мнением большинства (*dissenter*). Знак *insanity* в юридическом контексте также имеет ограниченный объем, включающий такие признаки, как *inability to distinguish fantasy from reality, conduct her/his affairs, uncontrollable impulsive behavior* [Law Dictionary. URL: <http://dictionary.law.com>], в то время как в языке обывателя *insanity* нередко отождествляется с такими признаками, как *low intelligence* и *mental deficiency*.

Согласно концепции П. Бурдьё, конфликты в юридическом поле могут разрешаться только в соответствии с установленными правилами и нормами. Урегулирование конфликта с опорой на право означает имплицитное принятие такого способа дискуссии, который подразумевает отказ от простейших форм символического насилия. Право распределяет среди агентов использование разного рода компетенций или возможностей, санкционирует процессы, связанные с использованием этих прав, тем самым легитимируя порядок. Если простое высказывание не имеет под собой символического принуждения, то приговор суда обладает высшей степенью авторитета и обязателен к исполнению. Правовой спор разрешается в судебном порядке с соблюдением определенных процедур, опираясь на принципы правосудия. Социальное взаимодействие агентов юридического поля в судебном процессе построено на принципе агона [греч. *ἄγων*, борьба, состязание], который представляет собой «универсальное качество культуры, заключающееся в состязательности, вытекающей из потребности присваивать, сделать своим иное пространство» [Калашникова, 2005, с. 32]. Это «правовое сражение, бой агентов юридического поля, рассматривающих одно и то же событие под разными углами зрения. Однако в основе этой борьбы лежат не формы символического насилия, а аргумент, посредством которого обосновывается позиция участника спора.

Утверждая, что кодификация при помощи специальных правил и формальных норм управляет поведением, П. Бурдьё вводит понятие гомологации (*homologation*), означающее «соглашаться» или «говорить на том же языке». Гомологация создает условия для некой формы рационализации, понимаемой как предсказуемость и просчитываемость» [Бурдьё, 2005]. Исследователь поясняет понятие гомологации на примере двух игроков, которые обвиняют друг друга в нечестной игре при любом несогласии во взглядах. Люди же, действующие в правовом поле, в рамках формального права, могут рассчитывать на норму, имеющую обязательный характер для всех, и в соответствии с ней просчитывать свои поступки и рассчитывать на определенный результат. Наибольшее преимущество гомологация открывает юристам, которые используют такую формальную норму как инструмент. Приведем в качестве примера фрагмент защитительной речи адвоката:

Адвокат: *Особое внимание прошу уделить тому, что все, даже малейшие сомнения в виновности подсудимого, **по закону**, надлежит складывать на чашу весов защиты (Судебное шоу «Суд присяжных»).*

Как агент юридического поля, адвокат обосновывает свою позицию, опираясь на формально определенную норму закона, а не на наивные интуитивные представления о справедливости, которые нашли отражение в следующем фрагменте совещания присяжных заседателей в ходе вынесения вердикта:

- *Я считаю, что подсудимая виновата: такие деньги заняла, проценты стали идти, ей стали угрожать. На кону стояла ее жизнь.*

- *Ее одну судить смысла нет. Надо всех судить.*

- *Человек врет, как можно верить ее показаниям* (Судебное шоу «Суд присяжных»).

Обыватели, не обладающие экспертным знанием юристов, свои решения принимают, опираясь на феноменологический опыт, наивные представления о правовой действительности, в то время как компетентность агентов юридического поля как специфическая власть профессионалов позволяет конструировать конфликты, предлагая оценку шансов на успех и последствий выбора той или иной тактики поведения.

Знание дает экспертам власть, и для достижения господства эксперты создают «закрытые системы» [Fuller, 1986]. «Обыватель не допускается к оцениванию квалификации и работы экспертов; последние ревниво оберегают свои сферы ведения от его вторжения» [Николаев, 2006, с. 127]. Как пишет А. Шюц, «эксперт прекрасно знает, что только коллега-эксперт поймет все технические аспекты и тонкости проблемы, находящейся в его ведении, а потому никогда не согласится признать компетентным судьей своих действий обывателя или дилетанта» [Шюц, 2004, с. 560]. Одним из средств, позволяющих экспертам создавать «закрытые системы» и ограничивать туда доступ обывателям, является терминология – кодовый язык, совокупность знаков, правильная интерпретация которых зависит от наличия экспертного знания.

Обладая экспертным знанием как ресурсом манипуляции и находясь в рамках определенной ситуации, эксперт может навязывать собственное видение решения проблемы. Типичным примером использования данного элемента власти экспертом в общении с обывателями является обращение адвоката (прокурора) к присяжным заседателям в ходе судебных прений:

Адвокат: ***По смыслу закона, – контрабанда, – это незаконное перемещение какого-либо товара через таможенную границу РФ. Умыслом лица, осуществлявшего контрабанду в данном случае обязательно должен охватываться незаконный характер данного действия. Мы же достоверно знаем, что подсудимый не мог знать о том, что заказывает вещество, указанное в его обвинении*** (Судебное телешоу «Суд присяжных»).

Пример иллюстрирует как с помощью экспертного знания, манипулируя юридическими формами, эксперт-адвокат пытается оказать воздействие на обывателей-присяжных. Используя аргумент к авторитету – норму закона как инструменту юридического поля, адвокат исходит из представления о том, что у обывателей предпонимание эксперта, как правило, обусловлено стереотипом совершенства: всё, что он говорит, функциональная точность его высказываний не подлежит сомнению. Ссылка на закон, использование специальных терминов представляют собой элементы власти, позволяющие адвокату управлять социальным взаимодействием. Путем инклюзивного *мы* адвокат пытается вовлечь присяжных в выгодную ему конфигурацию дискурса, который он формирует с опорой на тезис о невиновности своего подзащитного. Социальные институты, в том числе и право, есть место, где происходит не

только борьба, но и навязывание Другому некоего видения мира. Всех агентов юридического поля объединяет претензия на навязывание легитимного видения социального мира, все они представляют собой место внутренней борьбы за навязывание господствующего принципа восприятия и деления [Бурдьё, 2005].

Таким образом, концепция П. Бурдьё позволяет осуществлять анализ социального взаимодействия в юридическом поле с учетом интересов коммуникантов (экспертов и обывателей) и стратегий, используемых ими с целью формирования выгодных для себя конфигурация дискурсивных практик. Юридическое поле как динамическое взаимодействие субъектов, чьи действия продиктованы их статусным положением, как сфера реализации власти эксперта позволяет ему контролировать дискурсивное поведение клиентов, управлять социальным взаимодействием. Важным выводом концепции П. Бурдьё является идея о том, что социальные институты выступают источниками формирования определенной картины мира, которая легитимируется и навязывается людям. Социальные институты производят и транслируют дискурсы, которые задают рамки нашего восприятия реальности. Как пишет П. Бурдьё, «мы всегда приходим в мир, и особенно в мир социальный, с очками на глазах. У нас “всегда уже” есть категории восприятия, принципы видения и деления, которые сами частично являются продуктом инкорпорации социальных структур» [Бурдьё, 2005, с. 121].

Литература

- Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // *Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- Калашикова Н.К. Агональные основы культуры донского казачества: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 117 с.
- Николаев В.Г. Эксперты и экспертное знание в несовершенном обществе // *Иванченко Г.В., Леонтьева Д.А.* (ред.). *Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности*. М.: Изд-во «Смысл», 2006. С. 127 – 149.
- Ритцер Д. Современные социологические теории: 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
- Тюрнева Т.В. К вопросу о природе концепта как базовой единицы познания в условиях дискурса различий // *Magister Dixit*. 2012. № 4. С. 118 – 124.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
- Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция: 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
- Fuller S. *Social Epistemology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 222 p.
- Law Dictionary. URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 23.06.2017).

References

- Bourdieu P. *Vlast' prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya*, Bourdieu P. *Social'noye prostranstvo: polya i praktiki*, Saint Petersburg, 2005, 576 p. (In Russian).

Kalashnikova N.K. *Agonal'nyye osnovy kul'tury donskogo kazachestva: diss. kand. filol. nauk*. Rostov-na-Donu, 2005. 117 p. (In Russian).

Nikolaev V.G. Eksperty i ekspertnoye znaniye v nesovershennom obshchestve, *Ivanchenko G.V., Leontyeva D.A. (ed.). Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti*, Moscow, 2006, pp. 127-149 (In Russian).

Ritser D. *Sovremennyye sociologicheskiye teorii*, Saint Petersburg, 2002, 688 p. (In Russian).

Tyurneva T.V. K voprosu o prirode kontsepta kak bazovoy edinitsey poznaniya v usloviyakh diskursa razlichiy, *Magister Dixit*, 2012, 4, pp. 118-124. (In Russian).

Schütz A. *Mir, svetyashchiysya smyslom*, Moscow, 2004, 1056 p. (In Russian).

Yadov V.A. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya*, Moscow, 2013, 376 p. (In Russian).

Fuller S. *Social Epistemology*, Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986, 222 p.

Law Dictionary. URL: <http://dictionary.law.com> (accessed 23.06.2017).

Olga A. Krapivkina (Irkutsk, Russian Federation)

Theory of Social Space by P. Bourdieu as a Theoretical Background for Studying Discourse Practices in the Legal Field

The paper aims at expanding the theoretical basis of discourse analysis by involving the theory of fields by P. Bourdieu who says that there is a social genesis of perception and thinking patterns and actions (*habitus*), on the one hand, and social structures and fields, on the other one. The speaking subject is influenced by objective relations of forces typical for a certain field – a social area with specific social relations, means and purposes. All agents of the legal field are able to use polysemy of legal formulas, tend to use the elasticity of the law, existing ambiguity and gaps in their own interests. Using expert knowledge as a manipulative resource, agents of the legal field enforce their own views on lay people. Social differences between agents of the legal field (legal experts) and their clients (lay people) are due to their struggle for monopoly which means increase in distance between formally specified legal rules and naive intuitive concepts of legal phenomena. Individuals who are prone to behavior complying with a certain matrix of social actions are a typical feature of legal discourse practices. When interacting with lay people, experts, whose actions comply with specific institutional status, control their discursive behavior.

Key words: *field, legal field, legal discourse, expert, expert knowledge, agents of legal fields.*

Olga A. Krapivkina – candidate of philology, associate professor. Applied Linguistics Faculty, Foreign Languages dpt. Irkutsk National Research Technical University. Phone: +7-904-131-75-65, e-mail: koa1504@mail.ru